

Зал поющих кариатид

Лена пришла на прослушивание за два часа до назначенного срока, но все равно оказалась в очереди девятой.

Девушки, собравшиеся в небольшом холле — среди желтой кожи, стекла, хрома и винтажных голливудских плакатов, украшавших стены вместо картин, — заметно нервничали.

Лена тоже.

Девушки исчезали за дверью из матового стекла с интервалом примерно в четверть часа, потом выныривали и шли к выходу. По их лицам ничего нельзя было понять.

Когда по холлу пролетел звон электронного колокольчика и секретарша назвала ее фамилию, Лена вдруг запаниковала и долго не могла засунуть книгу в сумочку, так что секретарша даже нажала на кнопку еще раз. Но по пути к матовой двери Лена пришла в себя — и толкнула ее уверенной рукой.

За дверью оказался небольшой кабинет, похожий на приемную доктора-косметолога:

письменный стол, пара кресел и жесткая медицинская кушетка, обтянутая клеенкой. Хозяин кабинета, которого было принято называть «дядя Петя», сидел на кушетке, скрестив мохнатые ноги, и курил сигару.

Дядя Петя был полный мужчина лет пятидесяти с голым черепом и мясистым лицом в стильных прямоугольных очках. Несмотря на свежевыбритость, он выглядел небритым: его полуседая щетина была так непобедимо густа, что казалось, будто он только что посыпал голову пеплом сигары, а для полноты покаяния втер некоторое количество еще и в щеки. Одет он был как ребенок — в мятые белые шорты и футболку с радужной надписью:

Taliban Ichkeria

Некоторое время он глядел на Лену, пожевывая сигару. Затем указал на стол и произнес:

— Раздевайся и залазь... То есть наоборот — залазь и раздевайся.

Лена была в курсе, что петъ придется голой, но все-таки испытала шок, поняв, что все произойдет не на подиуме, а на письменном столе в прокуренной комнатенке. Как-то это выглядело несерьезно. С другой стороны, место бы-

ло самое серьезное, какое только бывает, это она тоже знала.

Обнаружившийся диссонанс мог означать только одно — ее представления о серьезном и несерьезном не соответствуют актуальной действительности. Такое с ней уже бывало в жизни. Поэтому, отбросив сомнения, она залезла на стол и быстро обнажилась.

— Пой, — сказал дядя Петя.

— У меня флэшка с музыкой, — ответила Лена, — есть куда поставить?

— Давай без музыки.

Специально на этот случай у Лены была приготовлена песня про Югославию, которую пели «Татушки» — она очень выгодно подчеркивала ее тонкий чистый голосок. Лена запела:

Над вечерним Дунаем разносится
белый цвет белый цвет белый цвет...

— Ногу подними, — сказал дядя Петя.

Лена покраснела и, продолжая петь, подняла левую ногу, согнув ее в колене. Стоять на одной ноге было неудобно, но можно. Она развела руки в стороны и попыталась придать своей позе максимальное изящество.

Стыд наполнил ее голос какой-то особо пронзительной хрустальной чистотой. Дядя

Петя даже не смотрел на нее — так, может, глянул искоса один или два раза. Он занимался своей сигарой, которая слишком сильно прогорела с одного бока. Озабоченно смазывая слюной проблемную область, он пускал струи дыма в потолок, но раскурить сигару равномерно никак не получалось.

Когда Лена второй раз пропела «Ты уходишь в огонь, Югославия, без меня без меня без меня», в голове дяди Пети, видимо, сработало какое-то ассоциативное реле. Он стряхнул с сигары пепел, сморщился и сказал:

— Хватит. Давай что-нибудь другое.

— А ногу можно опустить? — спросила Лена.

Дядя Петя отрицательно помотал головой. Лена к этому времени уже порядком устала — и сделала ошибку.

Она запела «Колеса любви» «Наутилуса». Это была красивая песня, но с неуловимым и как бы скольльзящим мотивом, и петь ее следовало только под музыку.

— Это знала Ева, это знал Адам, колеса любви едут прямо по нам... — начала она, но через несколько секунд дала такого явного петуха, что замолчала от смущения, а потом начала заново.

— Не надо, — остановил ее дядя Петя.

Положив сигару на край кушетки, он сделал пометку в блокноте.

— Можно ногу опустить? — опять спросила Лена.

— Можно, — кивнул дядя Петя. — Можно уже одеваться.

— А декламация? Декламацию будете слушать?

— Нет.

Лена слезла со стола. Она чувствовала, как на ее щеках разгорается румянец позора, и ничего не могла с этим поделать. Ей было очень неловко, и, одеваясь, она смотрела в мусорное ведро — словно смирившись с тем, что отныне ее место именно там.

* * *

Дядя Петя позвонил через неделю, когда Лена уже успокоилась. Звонок раздался рано утром. Взявшая трубку сестра сказала:

— Тебя какой-то живчик.

Сначала Лена не поняла, кто это, и только когда дядя Петя назвал ее «Югославией», догадалась, что все-таки прошла конкурс.

— Насчет тебя сомнений не было, — сообщил дядя Петя, — ты только ногу подняла, и я все понял... Сегодня днем свободна?

— Да, — сказала Лена. — Конечно.

— Знаешь, где «Рэдисон-Славянская»? Приходи к трем часам ко входу, только паспорт возьми. Увидишь там человека с табличкой «Семиотические знаки». Подойдешь к нему.

— Зачем? — не поняла Лена.

— Затем, глупышка, что человек с этой табличкой отведет тебя туда, куда тебе надо. А ты что-то плохое подумала? Не бойся, плохого больше не будет, будет только хорошее и очень хорошее. Если, конечно, не разучишься краснеть. Это в нашем деле самое важное...

И дядя Петя засмеялся.

Без пятнадцати три Лена была на месте.

Судя по всему, в «Славянской» происходило какое-то крайне важное для мировой семиотики событие — у дверей стояло сразу несколько женщин в гостиничной униформе с такими табличками в руках. Одна из них, сверившись со списком, повела Лену в бизнес-центр. Там уже собралась целая толпа семиотических юношей и девушек — это даже немного напоминало первое сентября.

Женщина в униформе привела Лену в небольшой полукруглый зал с черными креслами, явно предназначенный для презентаций в узком кругу. В зале сидели незнакомые дев-

чонки. Лена по привычке пошла на последний ряд и села рядом с миниатюрной девушкой с азиатским разрезом глаз, по виду совершенной японкой.

— Ася, — представилась японка и так очаровательно улыбнулась, что Лена сразу поняла, как та прошла конкурс.

— Лена, — сказала Лена и пожала протянутую руку. — Что сейчас будет?

— Говорят, какое-то вводное занятие.

Лена оглядела собравшихся. Всего в зале оказалось двенадцать девушек — все были красивые, но разные, словно их специально подбирали таким образом, чтобы создать контраст между разными типами физической привлекательности и усилить таким образом эффект. Здесь были две негритянки, одна мулатка, две смуглых среднеазиатки, две узкоглазочки (самой красивой была Ася) и пять девушек неопределенно-европейского вида: три блондинки (Лена посчитала себя), брюнетка и шатенка.

Через несколько минут ожидания в зал вошли дядя Петя, одетый в коричневый двубортный пиджак поверх черной водолазки, и молодой темноволосый мужчина в сером костюме от Zegna с галстуком неброского, но такого

элегантного оттенка, что, если у Лены и оставались какие-то сомнения в серьезности происходящего, они отпали раз и навсегда.

Дядя Петя явно не был в этой паре главным. Он вел себя по отношению к молодому человеку очень предупредительно — включил ему микрофон и даже стряхнул несуществующую пыль с его кресла.

Усевшись перед микрофоном, молодой человек оглядел девушек, грустно улыбнулся и заговорил:

— Вы ведь знаете, девчата, что сейчас происходит в мире. Геополитическое противостояние между цивилизациями, основанными на служении духу и материи, обострилось до последнего предела. За этим скрыто такое же напряжение сил, как в зоревые утренние часы перед Куликовской битвой, когда православная рать ждала своего звездно-крестного часа...

Молодой человек обвел строгим взглядом девушек, как бы давая понять, кто теперь будет православной ратью — но это Лена прикинула уже давно. Неясно было, что такое «звездно-крестный». Она решила, что это калька с американизма «звездно-полосатый» — эдакий ответ диктатуре «Макдоналдса», за неимением нормального креатива слизанный с самого

«Макдоналдса», но заквашенный на правильном духовном начале.

— Особую остроту ситуации придает тот факт, — продолжал молодой человек, — что богатства нашей страны достались во время грабительской и преступной приватизации кучке олигархов, специально отобранных агентами мировой закулисы по принципу духовного убожества. Не то чтобы это были неисправимо дурные люди, нет, не следует так думать, папа-мама дурка восемнадцать. Они, скорее, похожи на маленьких детей, не способных стремиться ни к чему, кроме удовлетворения своих постоянно меняющихся желаний. Отсюда все эти футбольные клубы, гигантские яхты, вино по двадцать тысяч евро за бутылку и прочие гримасы, о которых вы, я думаю, наслышаны...

Лена не поняла, что это за «папа-мама дурка восемнадцать» (молодой человек пробормотал эти слова быстро и тихо), но сразу же забыла про это — ей вдруг до такой степени захотелось отхлебнуть вина за двадцать тысяч евро, что ее рот наполнился слюной. По залу прошел тихий вздох, подтвердивший, что собравшиеся не просто наслышаны о гримасах, а успели в мельчайших деталях изучить всю доступную о них информацию.

— В последнее время спецслужбы Запада развернули настоящую охоту на наших богатей-недотеп, — продолжал молодой человек. — Вы слышали, конечно, про громкие скандалы и аресты: сначала Куршевель, затем Фиджи, потом бутик «Гермес», а теперь вот Сен-Моритц, Мальдивы и Антарктида. Кампания тщательно спланирована и преследует две основные цели — во-первых, дискредитировать российскую цивилизацию, во-вторых — установить контроль над ее ресурсами посредством сбора компромата на владельцев ее основных активов. Наша элита стала мишенью, а объективная реальность текущей точки пространства-времени такова, что вместе с ней стали мишенью мы все.

Нахмурившись, он замолчал, словно давая слушателям возможность осознать всю серьезность ситуации. Затем на его лицо вернулась грустная улыбка, и он продолжил:

— Мы должны удержать ситуацию под контролем. Что для этого нужно? В первую очередь, создать условия, при которых эти инфантильные охламоны больше не будут позорить страну за рубежом. Мы должны, так сказать, воспроизвести тот дурманящий ми-

раж, которым их привлекает Запад, по нашу сторону границы. Тогда мы обезопасим стратегические ресурсы отчизны и заодно сохраним в России те огромные средства, которые олигархия тратит на свои безобразия. Это, если хотите, один из приоритетнейших национальных проектов сегодняшнего дня — хоть по телевизору, по понятным причинам, вы об этом не услышите ни слова.

Он поглядел на часы.

— Остальное вам расскажет Петр Моисеевич. Главное, вы должны помнить, что, несмотря на внешнюю... двусмысленность, скажем так, вашего труда, он так же важен, как вахта матросов подводного крейсера, который несет ядерный щит страны. А может быть, и важнее — потому что война сегодня не та, что полвека назад, и ведется совсем другими средствами. Стране нужен щит нового типа, способный защитить наши рубежи изнутри, — и держать его будете вы, девчата! К вам переходит сегодня дело Александра Невского. Это огромная ответственность, но и великая честь. И пусть на этом пути ваши сердца озарит то прекрасное и невыразимое, что Боря Гребенщиков называет делом мастера Бо, а простые люди